

МОДИФИКАЦІЯ МИРОВОЇ ЕКОНОМІКИ ПОД ВЛІЯННЯМ НОВЕЙШИХ ФАКТОРІВ ГЛОБАЛЬНОГО ТРАНСФОРМАЦІОННОГО КРИЗИСА

Розглянуто нові характеристики розвитку сучасного світового господарства та фактори його іманентної нестабільності у контексті уроків глобальної фінансово-економічної кризи 2008–2009 рр. і продовження пов'язаної з нею глобальної структурної кризи світового господарства.

Глобальний фінансово-економічний кризис 2008–2009 гг. — наиболее всеобъемлющий и глубокий со времен Великой депрессии — породил мощную волну исследований, в ходе которых авторы пытаются найти глубинные причины этого явления, обозначить главные механизмы распространения кризисов в условиях современной мировой экономики и спрогнозировать на этой основе будущие события в русле глобального экономического развития. В таком контексте широкий резонанс получили публикации известных зарубежных специалистов, посвященные анализу причин и механизмов развития глобального кризиса¹. Появились новые фундаментальные исследования истории кризисов, с выявлением того нового, что вносит в механизмы их возникновения нынешняя эпоха². Весомый вклад в изучение указанных вопросов сделали и отечественные исследователи³, которые ищут ответы на глобальные вызовы для Украины. А эти вызовы для нашего государства чрезвычайно масштабны, ведь национальная экономика в целом имеет

¹ См.: А т т а л и Ж. Мировой экономический кризис. Что дальше? М., “Питер”, 2009; Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы. Уроки глобального кризиса. М., “Международные отношения”, 2010; С т и г л и ц Д. Ж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М., “Эксмо”, 2011; С о р о с Д. Ж. Первая волна мирового финансового кризиса. Промежуточные итоги. Новая парадигма финансовых рынков. М., “Манн, Иванов и Фербер”, 2010; Р у б и н и Н., М и м С. Нуриэль Рубини: как я предсказал кризис. Экстренный курс подготовки к будущим потрясениям. М., “Эксмо”, 2011.

² См.: К и н д л б е р г е р Ч., А л и б е р Р. Мировые финансовые кризисы. Мании, паники и крахи. М., “Питер”, 2010; Р е й н х а р т К., Р о г о ф ф К. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства. М., “Карьера пресс”, 2011.

³ См.: М а з у р е н к о В. І. Світові фінансові кризи та національна економічна безпека: теорія і методологія. К., “Київський університет”, 2007; Б а р а н о в с ь к и й О. І. Економіка “мільних бульбашок”. “Економіка і прогнозування” № 4, 2008, с. 45–68; № 1, 2009, с. 7–23; Г а л ь ч и н с ь к и й А. С. Криза і цикли світового розвитку. К., “АДЕФ-Україна”, 2009; Б у р а к о в с ь к и й І. В., П л о т н і к о в О. В. Глобальна фінансова криза: уроки для світу та України. Х., “Фоліо”, 2009; Ч у х н о А. Современный финансово-экономический кризис: природа, пути и методы его преодоления. “Экономика Украины” № 1, 2010, с. 4–18; № 2, 2010, с. 4–13; А р ь о м о в а Т. І. Методологічна анатомія глобальної фінансово-економічної кризи. “Економічна теорія” № 2, 2011, с. 16–33; Н о с о в а О. О фундаментальных причинах финансовых кризисов и жизнеспособности финансовых рынков в современной форме. “Экономика Украины” № 4, 2011, с. 45–55; Розгортання фінансово-економічної кризи в Україні у 2009 році: негативні наслідки та засоби їх пом'якшення: науково-аналітична доповідь. НАН України; Інститут економіки та прогнозування. К., Ін-т екон. та прогноз. НАНУ, 2009.

вдвое больший, чем в среднем в мире, уровень зависимости от мирового хозяйства, измеряемый величиной внешнеэкономических потоков относительно ВВП.

Следует, однако, подчеркнуть: если в одних работах главное внимание сосредоточивается на ошибках в экономической политике и на сбоях в функционировании отдельных финансовых инструментов и институтов, то в других – на накопленных структурных диспропорциях и критически важных дисбалансах, которые могут обернуться кризисом и, в то же время, служить надежными индикаторами его приближения. Существует и третья, достаточно значительная, группа исследователей, которые опираются на исходный тезис об общесистемной неадекватности современного мирового хозяйства, органично связанной как с кардинальными структурными и технологическими сдвигами ⁴, так и с мощными геоэкономическими сдвигами ⁵. В русле этого направления анализа лежит также выполненное на рубеже 2009 и 2010 гг. международное исследование “Модели посткризисного развития: глобальная война или новый консенсус”, организованное Институтом посткризисного мира (РФ), в котором принимали участие 247 экспертов из 53 стран мира, и в том числе автор этой статьи ⁶. Согласно указанному исследованию, *мир, по сути, вступил в фазу системного перехода, в которой нестабильность становится имманентной чертой развития*, где будут присутствовать как периоды ускорения коренных системных изменений с соответствующим разрушением старых структур, так и этапы более или менее уравновешенного эволюционного развития.

Возможно, на первый взгляд, такая широкая палитра мнений относительно природы и движущих сил глобального кризиса отражает неспособность найти его адекватную интерпретацию. Это может казаться парадоксальным, но, по мнению автора, доля истины существует в каждой из приведенных позиций, что, в свою очередь, отражает *неоднозначный, многоаспектный* характер происхождения современных кризисных явлений, их *многоканальное* и крайне *противоречивое* влияние на формирование будущего мировой экономики. Ни одна отдельно взятая теоретическая концепция не способна дать исчерпывающего ответа на все вопросы, порождаемые современным периодом кризисного развития. И лишь определенная *комплексная парадигма*, сочетающая в себе разные концептуальные подходы, может приближаться к необходимому объяснению.

Таким образом, при анализе движущих сил современного этапа глобального развития абсолютно необходим широкий подход. Однако критически важным является и детальный анализ тех конкретных механизмов, которые именно приводят к прогрессирующей дестабилизации старой системы, одновременно создавая предпосылки для ее замещения новой системой мирохозяйственных отношений. Ведь незнание и неосознание действия таких механизмов обрекало бы на пассивное наблюдение, а следовательно, перефразируя Й. Шумпетера, и на неизбежное “нетворческое разрушение” – вместо реализации творческого обновления мирохозяйственных структур.

⁴ См.: Райх М., Долан С. Глобальный кризис. За гранью очевидного. М., “Претекст”, 2010; Войков М. И., Гринберг Р. С., Абрамсон И. Г. Кризис: альтернативы будущего (глобальный контекст и российская специфика). М., “Культурная Революция”, 2010.

⁵ Особенно показательны в этом отношении публикации ряда известных российских исследователей: Кобяков А. Б., Хазин М. Л. Закат империи доллара и конец “Pax Americana”. М., “Вече”, 2003; Делягин М., Шенюв В. Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России? М., “Коммерсантъ”, “Эксмо”, 2009.

⁶ См.: Институт посткризисного мира. Модели посткризисного развития: глобальная война или новый консенсус: Международное исследование. Ноябрь 2009 – январь 2010, с. 114–115 (<http://www.postcrisisworld.org>).

По убеждению автора, в этом процессе следует принять во внимание приведенные далее фундаментальные тенденции, которые существенно модифицируют механизмы мирохозяйственного развития и создают основу для беспрецедентного накопления разного рода асимметрий, дисбалансов и противоречий внутри мировой системы.

Одно из важнейших направлений такой модификации связано со все более выразительным проявлением *нелинейности экономического развития*. Традиционная методология экономического анализа на протяжении длительного времени приучала экономистов к поиску в экономической действительности определенных устойчивых долгосрочных тенденций, экстраполяция действия которых на будущее позволяет “предвидеть” те или иные параметры состояния экономики в будущем. Именно на основе такого подхода нередко делаются преждевременные выводы о существовании определенных экономических закономерностей, которые, как оказывается впоследствии, являются лишь свойствами развития на конкретных этапах и при определенных условиях, которые объективно сложились, но в будущем могут измениться. Именно к таким процессам можно, на взгляд автора статьи, отнести и растущее открытие национальных экономик, и экономическую глобализацию, и нарастающее количество региональных интеграционных группировок, и увеличение доли услуг в структуре экономического обмена и доли высокотехнологичных товаров в структуре международной торговли. Как оказывается, все эти процессы имеют свои *пределы* и свои *точки оптимума*, после которых они неизбежно спадают. В этом контексте нельзя не увидеть того, что на рубеже двух веков экономическая глобализация по неолиберальным рецептам достигла своего апогея и в этой своей форме обречена на спад. А ее новая возможная волна в будущем должна быть уже качественно другим процессом.

Анализ уроков экономического развития за последние два десятилетия убедительно доказывает, что влияние глобализации экономики на структурные отраслевые изменения на мировых рынках *вовсе не носит строго линейного характера*: рост экспорта-импорта в одних отраслях и неуклонное относительное снижение роли других. И после 2000 г., когда был достигнут пик в развитии экономической глобализации, структурные приоритеты международного обмена несколько изменились. Это связано с определенным возобновлением роли ряда традиционных видов продукции (прежде всего, топливных материалов, руд и других ископаемых, а также изделий черной металлургии), рынки части которых (например, металлов) в 90-х годах находились в состоянии стагнации. При этом развитие торговли продукцией высокотехнологичных отраслей – главного динамизирующего компонента мировой торговли в предыдущий период – стало характеризоваться тенденцией к снижению динамики и рыночной доли поставок оборудования для электронной обработки данных и офисной техники, а также интегральных схем и электронных компонентов, при повышении соответствующих характеристик по фармацевтике и стабилизации относительной доли научных и измерительных приборов.

Следовательно, в ходе развития глобальных рынков не наблюдается устойчивого возрастания роли одних секторов экономики и снижения роли других. Скорее всего, мы сталкиваемся с *волнообразным* протеканием процессов реструктуризации международного обмена, когда некоторые отрасли могут расти на определенных этапах настолько быстро, что наступает перенасыщение мировых рынков их продукцией и возникает спонтанная необходимость в структурной коррекции для восстановления оптимальных отраслевых структурных пропорций. Причем, в отличие от подобных процессов перенасыщения рынков в прошлом (например, нака-

нуне кризиса 1929—1933 гг.), сегодня оно происходит в чрезвычайно короткий период и носит не постепенный, а взрывной характер, — так что наступление этого перенасыщения трудно заблаговременно предвидеть, а следовательно, и эффективно предотвратить.

Именно такого рода коррекция стала одним из факторов глобального экономического спада в 2001—2002 гг. В ходе мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. мы были свидетелями очередной волны этой коррекции, когда несколько снизились доли топлива и черных металлов, а также автомобильной продукции, выпуск которых до сих пор имел исключительно высокие темпы роста. И наоборот, опять может вырасти доля высокотехнологичных рынков, на которые сегодня делают ставку как на “локомотивы” выхода из кризиса.

В современном мировом хозяйстве в результате развития глобализационных процессов происходит *структурное усложнение экономики*. В результате становления все новых глобальных институтов экономическая структура приобретает черты *многоуровневости* и *взаимозависимости*, а весомую роль в этой структуре играют глобальный и международный региональный уровни экономической деятельности.

Глобальный уровень формируется ТНК, глобальными международными экономическими организациями, международными неправительственными организациями и профессиональными сообществами. Его деятельность направлена на обеспечение формирования и функционирования глобальных секторов и отраслей экономики ⁷, глобальной инфраструктуры, глобальных норм и правил экономической деятельности, необходимых для глобально действующих структур производства и обмена. В свою очередь, международный региональный уровень представлен межгосударственными торговыми блоками и региональными интеграционными объединениями, а также международными экономическими организациями, неправительственными организациями и сообществами, международными производственными системами и кластерами, действующими в региональном масштабе.

Однако национальный уровень и в условиях современной глобализации все еще продолжает оставаться *главным структурообразующим*, поскольку именно на нем осуществляется наиболее комплексное и широкое по сфере охвата регулирование максимально диверсифицированным макроэкономическим инструментарием, тогда как инструментарий глобального и международного регионального уровней все еще не носит (по крайней мере, на данном этапе развития глобализации и в обозримой перспективе) всеобъемлющего характера, а носит лишь частичный договорной характер. Решения, принимаемые на глобальном и международном региональном уровнях, даже в случае наднациональных органов региональных интеграционных объединений, носят *производный* характер, поскольку в большинстве случаев формируются органами, состоящими из представителей суверенных национальных государств. Глобальные и международные региональные институты формируются по мере нахождения консенсуса между разными культурными (а в случае глобализации — и общецивилизационным) контекстами.

Более того, по своей структуре глобальные и международные региональные уровни значительно менее стабильны и сбалансированы, а для взаимозависимостей между отдельными элементами этих уровней свойственна более существенная изменчивость, чем на национально-государственном уровне организации. В целом

⁷ Глобальными (то есть такими, которые требуют глобальных рынков) являются все отрасли, относящиеся к высокотехнологичным, а также отдельные средневысокотехнологичные отрасли (например, автомобилестроение).

это обуславливает более выраженное проявление нелинейности в глобальном и международном региональном развитии ⁸.

Наиболее сложными в указанной иерархической структуре являются взаимоотношения государств и ТНК, которые, в отличие от международных регулирующих организаций и объединений, достаточно автономны в своем поведении. При этом реальная власть ТНК основывается не только на транснационализированной собственности, но и на широко разветвленной системе межфирменных взаимоотношений, которые позволяют в международном (глобальном) масштабе осуществлять координацию и контроль хозяйственных операций внутри географически расчлененных международных производственных систем. Последнее обстоятельство практически не учитывается официальной статистикой, что влечет за собой серьезную недооценку реальной мощи ТНК, а также их влияния на экономический рост и развитие.

Вообще глобализация не осуществляет какого-то однотипного влияния на национальную экономику: его *результаты существенно разнятся в зависимости от достигнутого уровня развития, структурных особенностей и национальной экономической политики*. В одних случаях это приводит к расширению возможностей развития национальной экономики в рамках соответствующих транснационализированных комплексов, в других — к ускоренному разрушению недостаточно конкурентоспособных национальных структур и, по сути, к выпадению национальной экономики из контекста глобализированной экономики, а в наиболее трудных — к ее маргинализации. Но всегда глобализация связана с *повышенным риском расщепления национальных экономических комплексов, с их более или менее выраженной дезинтеграцией* — как предпосылкой для интегрирования части национальных структур в рамках глобальных (международных) экономических комплексов.

В условиях глобализации происходит значительная *модификация механизмов циклического развития экономики*, и в том числе *изменение механизмов вызревания и протекания экономических кризисов*. В этом контексте за период наиболее интенсивного развития глобализационных процессов особенно выделялись приведенные далее тенденции, которые и стали теми *новейшими факторами*, обусловившими развертывание в 2008 г. масштабного глобального кризиса.

1. Превращение финансовой сферы в такую, которая генерирует наиболее сильные импульсы для экономической динамики, и одновременно в главный очаг глобальной экономической нестабильности.

Глобализация завершает процесс перехода роли главного двигателя экономики от промышленного капитала к финансовому, ускоряет превращение последнего в господствующую форму капитала, которая задает темп экономического роста, направляет структурные сдвиги в экономике и обуславливает накопление внутри экономической структуры диспропорций и асимметрий.

Современный *глобальный капитал* выступает *финансовым* как по собственному генезису, так и по основной целевой функции, ведь, лишь освободившись от ограничений, свойственных конкретно отраслевой форме воплощения промышленного капитала, приобретя новый уровень всеобщности, капитал смог раскрыть свою универсалистскую природу и стать важнейшим механизмом глобализации и характерного для нее развития ⁹.

⁸ Последнее очень выразительно подтверждается нынешним финансовым кризисом внутри ЕС.

⁹ Анализ превращения финансового капитала в ведущий фактор синергетического роста см.: Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. Экономический рост: либеральная альтернатива. М., «Наука», 2005.

Как следствие, кризисы эпохи глобализации приобретают характеристики финансово-экономических кризисов, что выразительно проявилось в кризисах 1997–1998 и 2008–2009 гг., а также в рецессии 2001–2002 гг. При этом ведущая роль финансового сектора экономики в генерировании циклических колебаний и в протекании кризисных явлений обусловлена, прежде всего, следующими факторами.

Во-первых, именно сфера финансовых рынков стала аванпостом глобализационных процессов, поскольку именно здесь возникли действительно всемирные рынки, которые сформированы вокруг глобально связанной рыночной инфраструктуры, функционирующей в режиме реального времени, и где оперируют, главным образом, не просто транснационализированные, а именно *глобализированные* субъекты рыночной деятельности (коммерческие и инвестиционные банки, хедж-фонды, пенсионные и взаимные фонды, страховые компании). Ведь обычное понятие “ТНК” не улавливает того существенного отличия, что, если транснационализированные субъекты экономики являются национальными субъектами хозяйственной деятельности, которые скорее всего вышли за национальные рамки, то глобализированные экономические агенты в существенной мере утрачивают тесную связь с национальной экономикой: для них глобальность – не какая-то абстракция, а настоящая реальность, структурирующая их поведение.

Значительное опережение процессами финансовой глобализации глобализационных процессов в реальном секторе экономики влечет за собой *растущий институциональный разрыв между ее реальным и финансовым секторами* (см. данные рисунка 1 о доминировании на мировом рынке валютных операций над торговыми), превращаясь тем самым в важнейший источник повышенной экономической нестабильности.

Во-вторых, и те ТНК, которые относятся к нефинансовым, в большинстве случаев по мере глобализации их деятельности все чаще опираются на финансовые механизмы контроля и управления для обеспечения единой корпоративной стратегии развития, предоставляя местным филиалам все более широкую автономию в вопросах производства и маркетинга, обеспечения материальными и трудовыми ресурсами. И в данном случае мы также сталкиваемся с потенциальным разрывом финансовых и материальных производственных потоков, что, в свою очередь, усиливает экономическую нестабильность.

2. Растущая виртуализация рыночных механизмов, приводящая к отрыву важных экономических параметров – предложения денег, цен и валютных курсов – от реальной экономической основы, что существенно усиливает нестабильность.

В значительной степени процесс виртуализации рыночных механизмов является положительным и строится на объективной основе растущего распространения новейших ИКТ, которые порождают или делают возможными важные организационные инновации в бизнесе (включая новые формы международной рыночной деятельности).

В этом контексте достаточно характерны появление и распространение так называемых “гибких сетей бизнеса” (*flexible business networks*) на базе компаний, которые владеют лишь ограниченными или вообще не владеют собственными производственными мощностями, но обеспечивают функционирование глобальной структуры на основе собственности на бренд (знак для товаров и услуг), концентрации у себя исследований и разработок, необходимых для обеспечения динамичной конкурентоспособности и оперирования системой субподрядов и франшиз, размещаемых по принципу минимизации издержек при условии соблюдения корпоративных стандартов качества. Предусматривается, что именно эти гибкие биз-

нес-компания (приближающиеся к тому, что в литературе называется “виртуальные фирмы”, “бестелесные корпорации”, “организации сотовой сети” и т. п.) могут получить широкое распространение в таком наукоемком бизнесе, как электроника, компьютерное программирование, биотехнологии, проектирование и инжиниринговые услуги, здравоохранение ¹⁰.

Однако этот общий процесс повышения гибкости рыночных механизмов имеет и важные побочные последствия отрицательного характера, что особенно выразительно проступает на примере неконтролируемого – по сути, злокачественного – разрастания глобального рынка финансовых деривативов.

Так, по данным Международного банка расчетов в Базеле ¹¹, лишь за 2 года с июня 2006 г. по июнь 2008 г. – период, непосредственно связанный с вызреванием предпосылок для глобального финансово-экономического кризиса, – общий объем внебиржевого рынка финансовых деривативов вырос с 370 трлн. до 684 трлн. дол. Последний показатель в 12,2 раза превышал объем мирового ВВП (55,9 трлн. дол. за 2007 г. ¹²). Если же к этим 684 трлн. дол. прибавить еще 81 трлн. дол. биржевого рынка деривативов (по состоянию на март 2008 г.), то такое соотношение составит 13,7:1. Как следствие невиданного разрастания *фиктивного капитала*, если в 1973 г. объемы валютных операций на мировом рынке превышали объемы мировой торговли товарами всего лишь в 2 раза ¹³, то в 2007 г. такое превышение достигло 87, а в 2010 г. – 95 раз. По отношению к экспорту товаров и услуг это превышение составило, соответственно, 70 и 77 раз (рис. 1).

Как свидетельствуют приведенные данные, глобальный спад 2008–2009 гг. не изменил долгосрочную тенденцию к существенному опережению роста валютных операций: если в апреле 2007 г. их ежедневный объем составлял 3,3 трлн. дол., то в апреле 2010 г. – уже 4 трлн. дол. Трансграничная торговля валютой начала занимать беспрецедентно высокую долю в общей структуре операций на глобальных валютных рынках – 65%, хотя и произошло изменение этой структуры за счет ускоренного распространения операций “спот” и относительного уменьшения доли операций с разного рода деривативами ¹⁴.

Подобное разрастание фиктивного капитала, в котором ведущую роль играли организаторы внебиржевого оборота деривативов – крупнейшие транснациональные инвестиционные банки (характерно, что именно они стали ключевыми в трансформации финансового кризиса в экономический), способствовало расширению предложения денег и снижению стандартов безопасности кредитования путем перехода к так называемым “субстандартным” (*subprime*) ипотечным кредитам.

Разбухание ликвидных активов, стимулируемое “деривативной революцией”, имело крайне важные последствия для всей системы кредитования. В этих условиях, как на дрожжах, начали расти цены на недвижимость, рынки которой также столкнулись с виртуализацией спроса. При этом, как уже показал более ранний опыт восточноазиатских стран во второй половине 90-х годов и подтвердил новый

¹⁰ См.: Dickenson P. Global Shift: Reshaping the Geoeconomic Map in the 21st Century. New York – London, “The Guilford Press”, 2003, p. 265.

¹¹ См.: Bank for International Settlements. “BIS Quarterly Review”. December 2008. Statistical Annex, p. A103 (<http://www.bis.org/press/p081208.htm>).

¹² См.: World Bank. World Development Indicators database (<http://data.worldbank.org/data-catalog>).

¹³ См.: Кувалдин В. Глобальность: новое измерение человеческого бытия. В кн.: Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. М., “Альпина Паблишер”, 2003, с. 53.

¹⁴ См.: Bank for International Settlements. Report on global foreign exchange market activity in 2010: Triennial Central Bank Survey. Basel, BIS, December 2010, p. 6 (<http://www.bis.org/publ/rpfx10t.htm>).

опыт в условиях кризиса 2008—2009 гг., особая опасность такого неконтролируемого роста связана с тем, что недвижимость выполняет роль обеспечения при ипотечном кредитовании, а следовательно, искусственная переоценка ее стоимости — прямой путь к разрушению изнутри финансовой стабильности национальной (как и глобальной) банковской системы.

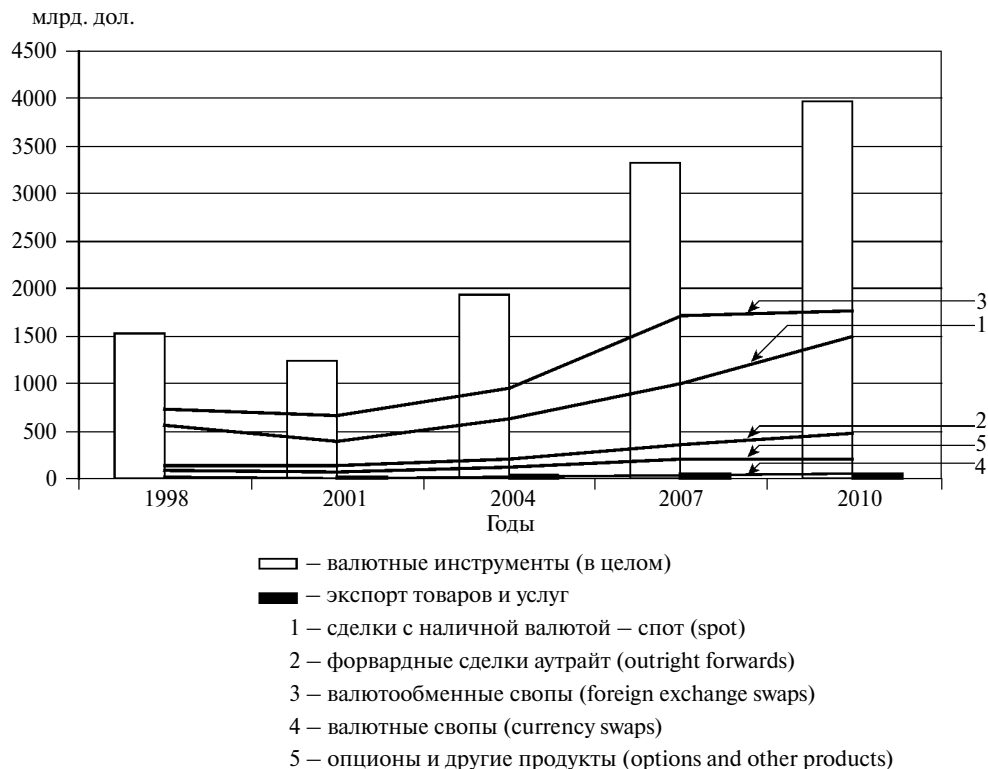

Рис. 1. Динамика средних ежедневных объемов валютных и торговых операций на мировых рынках

Источник: Рассчитано и составлено автором на основе: Bank for International Settlements. Report on global foreign exchange market activity in 2010: Triennial Central Bank Survey. Basel, BIS, December 2010, p. 7 (<http://www.bis.org/publ/rpfxfl0t.htm>); World Trade Organization. International Trade Statistics 2009. Geneva, WTO, 2009, p. 181, 189; World Trade Organization. International Trade Statistics 2010. Geneva, WTO, 2010, p. 181, 189; WTO Statistics Database (http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm).

Виртуальность все больше становится характеристикой и процессов ценообразования на товарных рынках. Ведь в условиях автономии финансового сектора и его растущего отрыва от реальной экономики цена как точка равновесного состояния рыночного спроса и рыночного предложения выражает уже не столько динамику производственных затрат и реальных потребительских нужд, сколько процесс *ожидания* дальнейших изменений в ценах и возможности получить от этого прибыль или убыток. Никакими процессами в реальном секторе нельзя, например, объяснить экономическую мотивацию динамики цен на нефть (табл.), которые то взлетают в среднем с 70,1 до 132,5 дол. за баррель (с августа 2007 г. по июль 2008 г.), то безудержно падают (с июля по декабрь 2008 г.) до отметки 41,5 дол.¹⁵ В таких условиях динамика цен является непредсказуемой, поскольку в большей степени

¹⁵ Средняя величина для разных сортов: U.K. Brent (легкая нефть), Dubai (средняя), West Texas Intermediate (тяжелая) (см.: База данных UNCTADStat. Free market commodity prices, monthly (<http://unctadstat.unctad.org>)). В этот период максимальный показатель цен на нефть достигал почти 150 дол., а минимальный лишь немного превышал 30 дол.

предрасположена к влиянию психологического фактора, чем объективных экономических факторов ¹⁶.

**Сопоставление темпов изменений на мировом нефтяном рынке
в 2007–2011 гг.**

(% в годовом исчислении)

Изменения	Г о д ы				
	2007	2008	2009	2010	2011 (прогноз)
Мировой спрос.....	1,6	-0,6	-1,3	3,4	3,5
Мировое предложение.....	0,1	1,0	-1,4	3,2	1,6
Чистый мировой спрос*.....	1,3	-0,3	-0,2	0,7	...
Средняя цена на нефть**.....	10,7	36,4	-36,3	27,9	36,5

* Разница между спросом и предложением как % от мирового спроса.

** Средняя величина для разных сортов: U.K. Brent, Dubai, West Texas Intermediate.

Источник: Составлено автором на основе данных: International Monetary Fund. World Economic Outlook. April 2011, p. 33, 197.

Таким образом, эволюция мирохозяйственных механизмов в направлении повышения роли параметров гибкости начала носить явно асимметричный характер, то есть гибкость обеспечивается за счет предсказуемости и, в конечном итоге, экономической безопасности. И это ставит вопрос о *чрезмерной цене гибкости*.

3. Усиление значения неэкономических факторов в развитии циклической динамики.

В таком контексте речь идет, прежде всего, о возрастающем влиянии потоков информации и связанного с ним явления асимметрии информации у разных участников рынка, о повышении роли фактора доверия и связанных с ним ожиданий. Частично это подтверждается приведенным примером с динамикой цен на нефть. Но такая тенденция, очевидно, имеет более общее действие, которое нарушает нормальное, эндогенно обусловленное течение циклов и делает колебания мало предсказуемыми.

Прогрессирующее становление информационного общества приводит к значительному расширению потоков информации и возможностей моментального доступа к самым разным информационным ресурсам. Но этот процесс имеет и серьезные отрицательные аспекты. Скорость распространения информации существенно опережает потенциал ее рациональной обработки. Поэтому информатизация вовсе не ведет автоматически к формированию рациональных ожиданий и рациональных моделей экономического поведения. Одновременно растет опасность манипулирования сознанием со стороны мощных ТНК, оперирующих в среде масс-медиа.

Между тем развитие глобализации связано с повышением степени открытости в функционировании экономических систем, а следовательно, с существенным ростом в рамках каждой отдельной страны роли экономических агентов происхождения из других культурных сообществ. Механизмы формирования и поддержания доверия в такой гетерогенной среде серьезно усложняются, а возможности возникновения разного рода иррациональных панических действий, спровоцированных непониманием и недоверием, — значительно расширяются.

В силу этого заслуживает внимания то обстоятельство, что мировой кризис 1997–1998 гг. зародился в Восточной Азии при достаточно благоприятных макроэкономических показателях в странах региона, что, впрочем, не помешало воз-

¹⁶ Не случайно прогноз МВФ относительно динамики цен на нефть в 2011 г., базирующийся на обобщении наиболее авторитетных источников в этой сфере, всего лишь за 3 месяца (с января по апрель) выявил колоссальную ошибку в 22,2 процентного пункта: вместо предсказанных ранее 13,4% роста теперь приводятся 35,6% (см.: International Monetary Fund. World Economic Outlook. April 2011. Washington, D.C., IMF, 2011, p. 2).

никновению панических настроений у инвесторов, обеспокоенных чрезмерным накоплением долгов в коммерческом секторе. Достаточно показателен и пример с банкротством американского инвестиционного банка “*Lehman Brothers*”, которое, будучи в принципе нормальной рыночной процедурой, в данном случае стало мощнейшим отрицательным психологическим фактором и толчком к быстрому распространению по всему миру кризисных явлений, вышедших внутри США. При этом меры американского правительства абсолютное большинство участников рынка за пределами США толковало не как шаг на пути к стабилизации, а как попытку переложить ответственность за собственную невзвешенную финансовую политику на остальной мир. Такой кризис доверия не мог не породить глобальный спад, наибольший за весь период после окончания Второй мировой войны.

Более того, поскольку принятые до сих пор меры по ликвидации последствий глобальных потрясений 2007–2009 гг. все еще не обеспечили достаточного уровня осознания стратегической правильности действий, то мы сегодня сталкиваемся с глеющими очагами финансовой нестабильности внутри региона наиболее экономически развитых стран. Последние за период борьбы с кризисом значительно увеличили государственный бюджетный дефицит и долги: дефицит фискального баланса правительств этой группы стран вырос с 2,1–2,3% ВВП в 2006–2007 гг. до 9,9% в 2009 г., валовой государственный долг в США – с 61,7% в 2005 г. до 100% в 2011 г. (по прогнозам, в 2012 г. соответствующий показатель достигнет 105%), в зоне евро – с 70,3% в 2005 г. до 88,6% в 2011 г. (с ожиданием в 2012 г. 90%)¹⁷. Естественно, это не может не подрывать доверия к мерам правительственного регулирования, о чем четко свидетельствуют те финансовые проблемы, с которыми сегодня сталкивается целый ряд стран – членов ЕС и зоны евро.

4. Усиление синхронизации экономических циклов и механизмов “взаимного заражения” при возникновении локальных кризисных явлений.

Резко возрастающая степень многоканальной взаимной зависимости через рынки товаров, услуг и капиталов, а также все более совершенные средства взаимной коммуникации национальных экономик приводят к практически моментальному перетеканию колебаний в другие страны и обуславливают достаточно выраженную связанность циклических колебаний темпов экономического роста во всех основных группах стран мира (рис. 2). В этих условиях от кризисных явлений могут страдать даже те государства, которые, казалось бы, находятся в благоприятном положении с точки зрения наличия ресурсов для развития и состояния своего внешнего баланса. Ярким примером такой зависимости в 2008–2009 гг. стала экономика Российской Федерации, владеющей одним из крупнейших в мире золотовалютным резервом.

Указанная особенность вовсе не означает, что все страны мира в одинаковой или близкой степени восприимчивы к распространению кризисных явлений из других стран. Ведь даже тогда, когда в 2009 г. экономики развитых стран “упали” на 3,7% своего ВВП (в ЕС – на 4,2%, в Японии – на 6,3%), в регионе СНГ такое падение стало наиболее выраженным и составило в среднем 6,4% (в том числе в России – 7,8% и в Украине – 14,5%); в Латинской Америке оно было более умеренным – 1,7%; страны Африки удержали минимальные положительные темпы роста, а динамичные страны Азии продемонстрировали +7,2%¹⁸.

В то же время можно выделить страны и группы стран с более выраженными колебаниями, чем в среднем в мире (Япония, страны Центральной и Восточной

¹⁷ См.: International Monetary Fund. World Economic Outlook. September 2011, p. 192.

¹⁸ См.: там же, p. 178, 182.

Европы, страны СНГ¹⁹). Очевидно, это может стать базой для вывода о том, что в условиях глобальной взаимозависимости страны, имеющие в своей внутренней структуре уязвимые места (такие, например, как недостаточное качество рыночных институтов, слабость внутренней финансовой системы, ограниченный потенциал спроса на внутреннем рынке или профиль международной специализации, связанный с повышенной зависимостью от мировых конъюнктурных колебаний), будут ощущать более сильные колебания динамики ВВП. В любом случае глобализация на нынешнем этапе ее развития не обуславливает полную гомогенизацию параметров циклического роста.

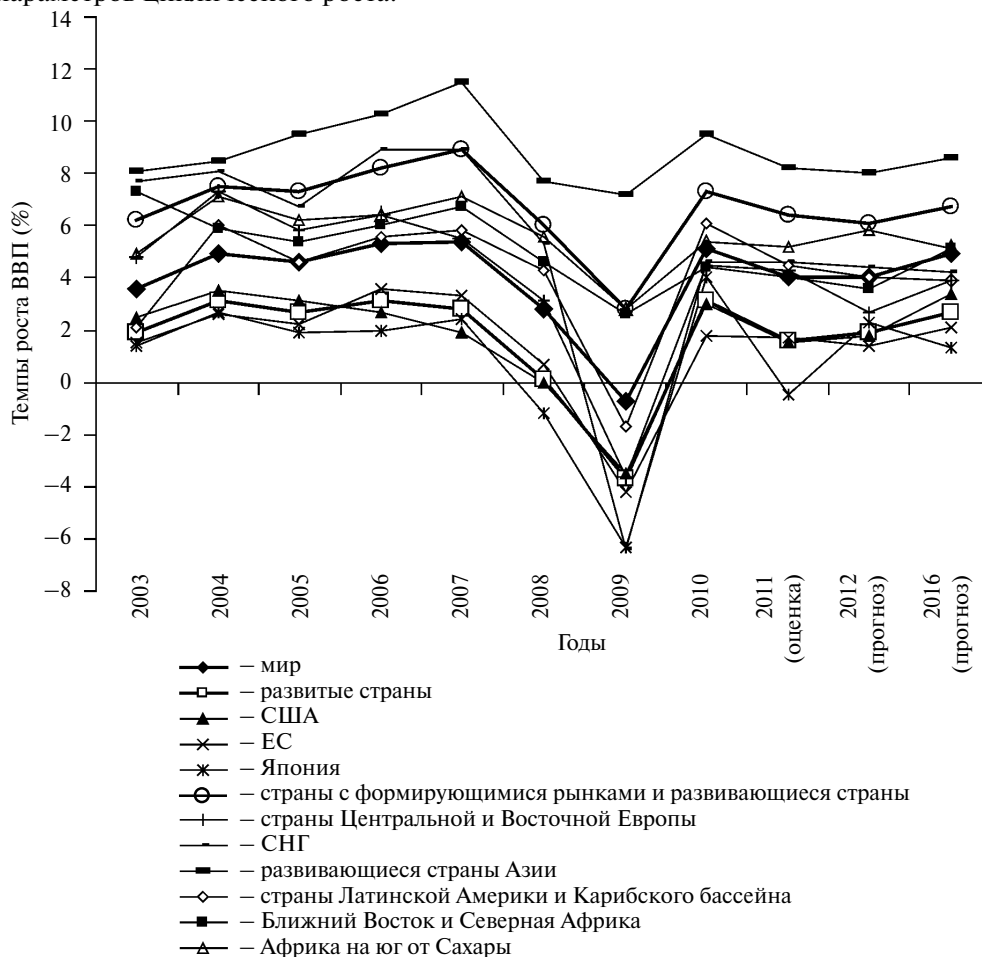

Рис. 2. Темпы роста ВВП в разных странах и группах стран мира в 2003–2016 гг.

Источник: Составлено автором на основе: International Monetary Fund. World Economic Outlook. September 2011, p. 178.

5. Перемещение центра тяжести в механизмах распространения циклических колебаний из сферы торговли в сферу движения ликвидных капиталов, а также превращение ТНК в ведущих “агентов цикличности”.

Следствиями этого процесса являются существенное ускорение перетекания циклических колебаний и сужение возможностей стран, являющихся нетто-импор-

¹⁹ Внутри этого региона существуют значительные отличия: так, в 2009 г., при общей кризисной динамике в регионе в целом (падение на 6,4%), высокие положительные темпы наблюдались в Азербайджане (9,3%), Туркменистане (6,1%) и Узбекистане (8,1%) (см.: International Monetary Fund. World Economic Outlook. September 2011, p. 182).

терами краткосрочных капиталов, влиять на такие колебания. При этом, очевидно, возможны разные варианты механизма такого влияния, в числе которых выделяются:

- отход накануне кризисов краткосрочных капиталов (“горячих денег”) нерезидентов за рубеж путем продажи принадлежащих им ликвидных ценных бумаг;
- выведение резидентами своих капиталов за пределы страны (в более безопасные финансовые гавани), с использованием скрытых механизмов (прежде всего, трансфертного ценообразования), а также манипулирования условиями платежей по коммерческим контрактам;

- централизация материнскими компаниями ТНК финансовых потоков в условиях нехватки ликвидности, вызывающая финансовое “обескровливание” зарубежных филиалов – через манипулирование инструментами внутрифирменных кредитов, условиями репатриации прибылей, пересмотра инвестиционных планов и т. п.;

- отказ в рефинансировании ранее образовавшейся кредитной задолженности, влекущий за собой массивированный отток финансовых ресурсов из страны.

Потенциальное мало контролируемое трансграничное перемещение гигантских масс капитала в периоды усиления неопределенности и утраты доверия к экономической политике (рис. 3) способно повлечь за собой скачкообразное изменение курсов национальных валют, что, в свою очередь, может одновременно радикально изменять условия экономического обмена – торговли и инвестиционной деятельности, а также обслуживания накопленных долгов. Это значительно повышает волатильность основных финансовых параметров²⁰, в разы увеличивает экономические риски и способно серьезно нарушать “нормальный” ход экономического цикла.

Рис. 3. Динамика портфельных и других* инвестиций в разных регионах в 1999–2009 гг.

* К другим инвестициям относятся торговые кредиты, кредиты финансовых учреждений, валютные счета и депозиты, другие активы.

Источник: Составлено автором на основе: International Monetary Fund. Global Financial Stability Report: September 2011: Statistical Appendix. Washington, D.C., IMF, 2011, p. 16–17 (<http://www.imf.org/External/Pubs/FT/GFSR/2011/02/pdf/statappx.pdf>).

6. Становление механизмов скоординированной глобальной антикризисной политики, осуществляемой при прямом участии глобальных регулирующих институтов.

²⁰ Об этом убедительно свидетельствуют данные, содержащиеся в: International Monetary Fund. Global Financial Stability Report: Durable Financial Stability: Getting There from Here. April 2011: Summary Version. Washington, D.C., IMF, 2011, 197 p. (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/gfsr/2011/01/index.htm>).

Начиная с кризиса 2008–2009 гг., эта тенденция обуславливает институционализацию глобальных антициклических механизмов при помощи принятия согласованных глобальных принципов антикризисной политики, которые в настоящее время вырабатываются в рамках “Группы 20”, “Группы 8”, ООН и глобальных финансовых институтов, а также формирования новых регулирующих институтов, к которым следует отнести, прежде всего, Форум финансовой стабильности, позже преобразованный в Совет финансовой стабильности.

К общепризнанным сегодня принципам относятся: необходимость тесной координации действий и недопустимость односторонних действий, наносящих ущерб другим участникам мировой экономики; неприменение протекционизма и обеспечение свободы движения товаров, услуг и инвестиций; обеспечение большей управляемости экономических процессов (и прежде всего, относительно регулирования международных финансовых рынков), создание соответствующих систем раннего предупреждения о возможных глобальных дисбалансах и кризисных ситуациях; обеспечение законности, “прозрачности” и подотчетности национальных и международных финансовых операций, а также недопущение уклонения от уплаты налогов; кардинальное реформирование ведущих МФО – с тем, чтобы они могли эффективно выполнять функции глобального регулирования и содействия развитию; выделение развивающимся странам большего объема ресурсов в помощь в развитии и на осуществление антикризисных мер; формирование новой этики бизнеса (и в частности, социальной ответственности корпораций); акцентирование внимания на важности социальных и трудовых вопросов в комплексе антикризисных мер ²¹.

Сегодня каждая страна и каждая региональная группировка должны учитывать указанные глобальные принципы при формулировании собственной политики развития. И от степени такого учета в значительной мере зависят не только возможности согласования приоритетов развития национальных и мировой экономик, получения положительных эффектов от глобализации и формирования прогрессивного профиля включения в мировое хозяйство, но и эффективное предотвращение разрушительных последствий глобальных кризисов и дисбалансов.

К сожалению, что касается практического воплощения указанных принципов, то за последние 2 года наблюдался лишь незначительный реальный прогресс, и уровень взаимодействия остается неудовлетворительным. Ведь наиболее развитые страны, которые ранее больше всех выиграли от глобализации, не торопятся уступать хотя бы часть собственных позиций и радикально изменять модель своего поведения в рамках глобальной экономики. А следовательно, вопросы кардинального лечения нынешних болезней мировой экономики после окончания острой фазы кризиса в 2009 г., похоже, были отложены на будущее.

В этом контексте серьезное значение имели дискуссии во время Всемирного экономического форума в Давосе 2012 г., который состоялся под лозунгом “Великая трансформация: формирование новых моделей” ²². Участники форума пришли к консенсусу в том, что в условиях роста глобальных рисков уже время переходить от слов к действиям и активно вводить *новые модели* экономического роста (на основе стимулирования создания рабочих мест, ликвидации чрезмерных диспаритетов в

²¹ См.: Генеральная Ассамблея ООН. Итоговый документ Конференции по вопросу о мировом финансово-экономическом кризисе и его последствиях для развития. Документ A/RES/63/303, 13 July 2009; G 8 Summit 2009. Declaration on Responsible Leadership for a Sustainable Future (http://www.g8italia2009.it/G8/Home/G8-G8_Layout_locale-1199882116809_Atti.htm); G 20 London Summit 2009. Global plan for recovery and reform (<http://www.londonsummit.gov.uk/resources/en/news/15766232/communique-020409>).

²² См.: World Economic Forum Annual Meeting. The Great Transformation: Shaping New Models. Davos-Klosters, Switzerland, 25–29 January, 2012 (http://www3.weforum.org/docs/AM12/WEF_AM12_Report.pdf).

доходах и искажений в системе мировой торговли, обеспечения поддержки экосистемам), производства (с приоритетным акцентом на “зеленые” технологии, инфраструктуру и здравоохранение), занятости, управления, потребления (с акцентом на его качество, а не количество), обеспечения устойчивого развития энергетического сектора, интеллектуально емкого роста на базе современных технологий, и наконец, разработки технологически новых моделей ответов на глобальные вызовы.

Это, вне сомнения, свидетельствует, что в мире концептуально вызревают сдвиги эпохального масштаба, направленные на становление в перспективе качественно новой мировой экономики, которая будет строиться на общечеловеческих ценностях.

Осуществленный анализ позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Современный период развития мировой экономики чрезвычайно способствует углублению понимания его как нелинейного, циклического, волнообразного процесса, в котором отдельные тенденции прошлого, ранее провозглашавшиеся закономерными, могут претерпевать существенную модификацию и даже коренным образом меняться. Факторы такой модификации теснейшим образом взаимодействуют с факторами системного кризиса, который в настоящее время переживает мировая экономика и который является по существу *трансформационным кризисом*, процессом системного обновления, “Великого перехода” к качественно новому мировому хозяйству.

2. В условиях, когда мировая экономика вошла в фазу системного перехода к новому качеству, ее развитие характеризуется имманентно повышенным уровнем нестабильности и сниженной предсказуемостью основных параметров будущего, при усложнении структурной организации мирового хозяйства в целом и усиленном действии неэкономических факторов экономической динамики.

3. Процессы глобализации экономики, которые на протяжении трех десятилетий были одной из определяющих тенденций мирового развития и привели к беспрецедентной взаимозависимости национальных экономик и циклов их экономического роста, объективно наталкиваются на серьезные препятствия, связанные с существенным дисбалансом между мощной ролью транснациональных структур и неспособностью реально обеспечить эффективную глобальную координацию экономического развития. Это порождает нарастающие угрозы для экономической безопасности, которые способны нейтрализовать преимущества, связанные со свободным движением факторов производства, глобальной концентрацией и другими экономическими преимуществами глобализации.

4. Наиболее мощные дестабилизирующие импульсы исходят из финансового сектора, который одновременно является и наиболее глобализованным сектором мировой экономики. В условиях “деривативной революции” глобальные финансовые рынки, в сочетании с современными ИКТ, превратились в мощный источник генерирования фиктивного капитала, отрыва тенденций развития финансового сектора от реальной экономики и все большей виртуализации экономических процессов. Указанные тенденции подрывают возможности развития на старой основе, объективно ускоряя становление его новых институциональных принципов и новых структурных приоритетов.

5. Кризисные явления, свойственные для новой эпохи мирового развития, отличаются многоаспектным и неоднозначным характером как их происхождения, так и влияния на экономику. Это требует адекватного приспособления и дальнейшего развития методологических основ экономического анализа, который должен быть в состоянии давать адекватные ответы на новые вопросы и новые вызовы мирового развития.

Статья поступила в редакцию 30 января 2012 г.
